

*Максим Лаврентьев***ВАЛ**

В. Б.

Пил чай, в окно глядел, где тьма — хоть глаз коли.
Вдруг лес окончился, как нудная поэма,
и сотни огоньков забрезжили вдали.
Вас рядом не было, я восхищался немо.
Попутчик мой, сосед, что всю дорогу спал,
теперь спешил убрать со столика вещички.
А между тем уже, теснясь, в проходе встал
весь пятничный народ московской электрички.
Приехали. Опять я паялился в окно,
и видел лишь свои в стекле глаза навывкат.
Осклабился (ведь вы, должно быть, там, — смешно!),
кивнул, надел берет и двинулся на выход.
Порхнули вы ко мне, как бабочка на свет.
Мы вечное «люблю» друг другу вновь сказали.
Я грустно пошутил: «Прошло так много лет,
и вот я наконец в Рязани, на вокзале».
Потом, актерствуя, воскликнул: «Города
и женщин лучше брать в ночи. Веди, о дева,
на кремль!» Обнявшись, мы направились туда
пешком, сперва вперед, потом свернули влево.
Однако до кремля порядочно идти.
Вот тут я пожалел, что не татарский конник:
не выбился из сил, но чувствовал в пути
себя по паспорту — на твердый сороковник.
Подумал: «Отвлекись!» — и перспективы связь
нечаянно нашел с парижскою Сорбонной,
покуда, головой вертя, не торопясь,
мы перлись, точно два туриста, по Соборной.
Но чтоб в отель попасть (о, если бы я знал!),
подмерзшие уже, уставшие, как кони,
еще мы миновать должны кремлевский вал,

что вправо тянется от старой колокольни.
Галдит здесь молодежь. Задать ли им вопрос,
не знают ли они, какого века насыпь?
Едва ли. В темноте истошно лает пес
(его с хозяином я посадил бы на цепь).
Ах, если б ваш поэт был молод и здоров!
Он мог бы без труда, без всякого усилия
легко взнестись на вал, легко спуститься в ров,
как будто за спиной не годы — только крылья.
А нынче он поднял наверх с раскрытым ртом
мешок булыжников. Пока в мешке их сорок.
А скоро высотой с многоэтажный дом
ему любой, увы, покажется пригорок.
Он, стоя на валу, метнул бы тучу стрел
и в прошлое свое, и в будущее мира,
но вместо этого лишь скорбно посмотрел
кругом, затем в себя, где неприятно, сиро,
и обратился к вам: «Как жаль, что все прошло!
Тараном времени разбиты эти стены.
Каким был раньше кремль — представить тяжело.
А видите во мне след страшной перемены?»
Последние слова не произнес он вслух,
но сердце женщины их все прекрасно знало.
Поцеловала так, что захватило дух,
и дальше мы пошли — вперед по гребню вала.
Куда девалась вдруг ноябрьская тоска?
Где мысли черные, что так меня бесили,
и те булыжники, которые таскал
я на своем горбу в придуманном бессилье?
Взгляни со стороны — мужик в расцвете лет.
Да, склонный к мрачности, к заупокойной мессе,
но крепкий огурец, пускай и не атлет.
Не только голова, все прочее на месте.
И женщина его под стать ему вполне:
душой ребенок, но так развита наружно...
Тут я почувствовал, что поскорее мне
и много разного от этой жизни нужно.
А стены на валу — к чему теперь сдались

давно снесенные трухлявых груды бревен,
когда, подобно нам, поднялся город ввысь,
такой же труженик, и стал с минувшим вровень.

АМУР И АФРОДИТА

Сценка хоть нестрашная, а мучит:
Афродита вынуждена лечь,
чтобы из ее ступни амурчик
попытался щепочку извлечь.
Вроде бы так просто: р-р-раз! и на фиг.
Только ничего за много лет
не меняется. Поймите, nothing
changes! Вот скульптуры в чем секрет.
Не успеть, увы, богине секса
милого Адониса спасти —
будет вечно ей амур в пути
рвать занозу, как стрелу из сердца.

г. Москва

Александра Герасимова

●

и выткано нагрудно алой ниткой
и выплакано каплей восковой
шалльное время
с бледных щек открытки
спадает страх печатью меловой
еще полнеба в индексах билета
еще полмира под разлетом крыл
и колокольчик прядей тронет лето
что от смертей господь отговорил
пойди с крыльца

вдышись в орешник пряный
сладчающий как пряничный пирог
и самолетик истовый упрямый
из клетки кем-то пущенный тетрадной
перекрести покуда путь высок
и видит бог
и да увидит бог

г. Томск

Алексей Борычев

•

И был этот день... и земля, и звезда.
По рельсам осенним неслись поезда,
По лунным блистающим нитям,
По мгле, по судьбе, по событиям...

И кто-то стоял, разливая вино
По темным бокалам, и, глядя в окно,
Где олово дня остывало,
Темнея лилово и ало.

И, спички тревог зажигая во тьме,
В осенней, кисельно текущей сурьме,
Блуждали пространство и время,
Как гости иных измерений.

А кто-то стоял у окна и курил,
Допив из бокалов остатки зари,
И слышал, как тихо шептались
Пространство и время-скиталец.

И слышал гудки неземных поездов,
И осень ему показалась звездой,
По небу летящей на север,
Где ветер бессмертье посеял.

●
Час закатный. Фонари
Пьют настой сентябрьской ночи.
Что не делится на три —
Кажется, мешает очень.

Ты, подруга, не гляди —
Что в углу темно и пусто.
Так же, как в твоей груди,
Где живет шестое чувство.

Потому что в час, когда
Фонари лакают темень,
Легче кажется беда
И стремительнее время.

г. Москва

Елена Иноземцева

●
приходишь однажды в черную комнату и начинаешь искать
черную кошку, черный ящик, черный глагол на — ять,
черную розу — эмблему печали, черный тюльпан любви,
черные туфли, перчатки, шали черные — не мои,
черную сотню, черную речку, Сашу Черного — их
не найдя, начинаешь поиск какого-нибудь Черных...
но в черной черной комнате нет окон, дверей, углов,
ни черного платья, ни черного пояса, ни черных песьих голов.
ни черных очей нет, ни даже кос, ну разве что (дайте две!) —
находятся черные дыры: в Космосе и в собственной голове.

г. Лейпциг

Ю р и и Г у д у м а к

ПРИМЕЧАНИЕ К ТЕОРИИ ЕСТЕСТВЕННЫХ МЕСТ

Время огней без света.
Огней без света —
вроде выветривания известняка и ржавления железа;
обмена веществ, при котором сушлообразная кровь ребенка
становится виноподобною старика;
прерывистого дыхания,
дающего фору
продолжающемуся только в снах
синюшному цианозу неба.

Солнце, сбившись с пути,
ночует неизвестно в каких созвездиях,
и о том, что луна, убывая, показывает червоточину,
можно судить по сырому саду,
перепаханному червем.

Непогода и слякоть.
Смурая мгла, сокрушающая оппозицию дня и ночи.
Либо — сводящая ее к темной дурной экстенсивности и к ничто —
к необходимому корреляту разнородных субстанций,
каждая из которых является бродилом для другой
и выделяет тепло.

В точности так выделяет тепло
огонь без света — комочек азотистого вещества,
сходного по строению с яйцом,
из которого вылупляется бесперый феникс.
Потом он превратится в выколашивающийся лисохвост.
Он начнет светиться.

...Это могло бы стать
примечанием к теории естественных мест.

Ибо одно уже сердце,
вопреки очевидности всякого пламени,
расположенного, по теории, устремляться вверх,
имеет форму перевернутого конуса.

И однако же
волос не седеет, а выцветает.

И вдогонку, хе-хе, —
квазипризнак высыпающих на лице веснушек,
от которых мог бы предостеречь только красный,
без радужной оболочки, зрачок,
как у настоящего альбиноса.

Периодически цепенеющее письмо, —
никто недостатка его не в состоянии ощутить живее, чем я, —
маркирует смену сезонов обратно симметрично
коническому анаморфозу полярной ночи,
где, занявшись, день
становится временем года.

г. Кишинев

Игорь Селезнев

●

Родилось и выросло слово,
И в ночь полетела звезда
Поднять из пространства немого
Непрожитые города.

Как будто подслушали нежность,
Когда-то она в них прошла
Мгновенно. Но эта мгновенность
Вернулась и расцвела.

Наполнился цветом оттенков.
Дельфинами эхо и звук
Ныряют в прозрачные стены
Из голоса, чувства и рук.

г. Иркутск